

Поляков В.Е.
ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ

УДК 63.3(2)622.5

Постановка проблемы. Вопросы продовольственного обеспечения партизан Крыма в силу ряда причин оказали решающее влияние, как на тактику, так и стратегию партизанского движения.

Анализ исследований и публикаций.

Настоящая публикация впервые на основе архивных материалов рассматривает эту проблему.

Целью публикации является стремление шире взглянуть на феномен партизанского движения в Крыму в 1941 - 1944 годах.

Изложение основного материала.

Организаторы партизанского движения в Крыму были убеждены, что оккупация продлится не более трех-четырех месяцев. Впрочем, на всякий случай немного перестраховались. В июне 1942 года командующий партизанским движением Крыма Алексей Мокроусов писал: «Предполагалось, что немцы дальше мая в Крыму не продержатся, поэтому план завоза был построен на шесть месяцев: ноябрь – апрель» [2, с. 104].

В одном из пяти партизанских районов линия обороны осажденного Севастополя проходила непосредственно в местах закладки, и доступ к продуктам оказался невозможен. Все остальные районы утратили свои базы несколько позднее в ходе декабрьского прочеса. Основная проблема некачественной закладки продовольственных баз, заключалась в том, что решение о создании партизанских отрядов было принято слишком поздно, только за неделю до оккупации. Абсолютное большинство отрядов не успело надежно укрыть свои продовольственные запасы.

К январю 1942 года продовольствие оставалось только в трех отрядах. Дольше всех до апреля 1942 года продержался Зуйский отряд [9, с. 86]. Следует отметить, что все три, так называемые Красноармейские отряды, не имели продовольствия изначально, так как возникли стихийно и с первых же дней были вынуждены заниматься самообеспечением.

Где же партизаны могли добыть продовольствие? Нападения на отдельные машины и даже небольшие колонны, были весьма незначительным подспорьем, и не решали проблемы. Оптимальным был бы вариант изъятия продуктов непосредственно у оккупантов в местах их базирования, но практически это было совершенно не реально, так как склады продовольствия, пекарни и другие объекты находились внутри крупных гарнизонов. Единственная удачная операция подобного рода – это нападение на мельницу Бахчисарайским отрядом. Произошло это, уже после падения Севастополя. Узнав о том, что в деревне Шура на реке Кача действует водяная мельница, партизаны дождались момента, когда там скопилось достаточно много продукции и совершили успешный налет. Было вывезено 60 пудов пшеницы и 15 пудов муки [3, с. 62].

Необходимо отметить, что подобный успех был обусловлен тем, что Бахчисарайский отряд воевал в родных местах, имел своих людей в каждом селе, которые и снабдили их необходимой информацией.

С декабря 1941 практически все отряды переходят «на подножный корм». Серьезным подспорьем первое время становится охота. В отрядах создаются специальные отряды охотников.

Вот, что вспоминал впоследствии командир Бахчисарайского отряда Михаил Македонский: «Чтобы заинтересовать людей, мы ввели своеобразную премиальную систему. Группе партизан, которая убила оленя или козу, мы отдавали «сбой» (голову, ноги и внутренности животного), а туша шла в общий отрядный котел.

Этот порядок был введен по предложению самих партизан и выдерживался самым строжайшим образом все время, пока мы были в лесу. Подстрелил партизан зайца – половину тушки возьми, вторую половину отдай отряду.

У нас не было случая, чтобы кто-нибудь, кому повезло на охоте, утаил добычу от товарищей. По законам леса такого партизана мы бы расстреляли» [8, с. 108].

«В заповедники перед войной зубры были. Мокроусов с самого начала строго настрого нам запретил их трогать. Приказ дал: под расстрел того, кто убьет зубра, он, мол, 10 тысяч золотом стоит. Зубров этих, в конце концов, немцы постреляли, хотя последний зубр все же партизанам достался, не смотря на приказ. Голод заставил» [10, с. 28].

Все это вместе взятое привело к тому, что во всех отрядах, как и в партизанском движении в целом шел страшный, неумолимый «естественный отбор»: люди сотнями умирали от голода. В этих условиях у партизан практически не было выбора в вопросе о том, брать ли продукты у населения или нет.

Как писал в своем донесении от 20.02.42 командир 2-го района Иван Генев многие отряды, оставшись без продовольствия «сумели пополнить свои продбазы за счет **враждебного** населения» [1, с. 33].

Примечательно, что вопрос о том, чтобы покупать продукты у населения, именно покупать, ни разу не затрагивался, как в мемуарной, так и исторической литературе. Единственное упоминание об этом есть в Отчете штаба партизанского движения. Сообщалось, что в отряде № 15 «Все, что приобреталось у местного населения оплачивалось деньгами» [4, с. 135]. Поскольку 15-й отряд – это бывший 3-й Симферопольский, где голод проявился в наибольшей степени и где даже были случаи каннибализма, о чем в настоящей статье мы говорить не будем, то информация о «покупке продуктов у населения» именно в 3-м Симферопольском отряде представляется мне недостоверной.

Примечательны строки из дневника бойца 15-го отряда Н. А. Лунина.

«23 марта. (1942 год) На заседании штаба решили основные силы отряда бросить на поиски продовольствия. Семь самых боеспособных партизан направились за продуктами в деревню Бешуй. Разведчики доложили о гарнизоне врага, соотношение не в нашу пользу. Решено нападать, рассчитываем на внезапность. Надо же, так случилось – неожиданно напоролись на патруль. И(ванов) дал сигнал атаки, а группы еще не все к этому времени заняли исходные позиции. В результате получили крепкий отпор и вынуждены были отойти. Вот так неудачно для нас закончился поход за продовольствием [6, с. 10].

«6 апреля. Вчера вечером Купреев, отлично понимавший обстановку, вызвался добыть продовольствие. Для этого он отобрал семерых самых крепких партизан. Накормили их оставшейся кониной и проводили в деревню Корбек. Ждем... Вернулись вечером. Отбили в бою у татар и пригнали четырех осликов. Ослики эти достались дорогой ценой. Два наших товарища не вернулись с боевого задания [Там же, с. 12].

Более успешную продовольственную операцию описал непосредственный участник событий Алексей Ваднев: «Мы втроем зашли к старосте стали просить его дать нам общественного хлеба, ячменя, кукурузы или пшеницы. Он согласился. Повел нас. Я отстал от группы, остался под забором. Вдруг откуда-то очередь из пулемета. Я сделал по пулемету несколько выстрелов и он замолк. Слышу стон на том месте. Пулеметчик был ранен, я прикончил его. Пулемет был русский ДП. Взял пулемет. Вернулся в дом старосты. Кузнецов сказал бойцам – забирайте у старосты все, что есть в доме. Все группы бросились в дом. Я вывел корову и лошадь. Ко мне подошел Исаков и говорит: Ты кукурузы набрал? Я спросил – где? Там, в доме.

Я заскочил в дом, а там не поймешь, что творится. Винтовки, автоматы лязгают друг о друга. Партизаны лезут, набирают мешки, просто жуть. Я решил пока не набирать, пусть другие наберут.

Смотрю, стоят бойцы вокруг бочки и руками что-то достают и кушают. Оказалось, кушают капусту. Я пристал тоже и начал руками брать и есть. Минут через десять в бочке уже ничего не было. Хмелев тащит бутылку литров на шестнадцать: Сашка иди сюда. Вынесли мы ее из дома. Попробовали – это томат. Наливали и тут же кушали. Быстро не стало томата. Бутылку разбили. Хмелев говорит: пойдём ещё что-нибудь искать.

Зашли во второе отделение кладовой. Там мешок муки. Хмелев здоровый парень. Я говорю: давай разделим на две части. Я побежал к Старцеву. Говорю, что там мешок муки, помоги вынести. Вынесли, погрузили на лошадь. Я побежал набрать кукурузы. Там уже было мало бойцов, но и мало кукурузы. Я быстро нагреб в вещевой мешок, в который входит пуда два. Показалось сначала, что донесу.

Мы отошли от деревни километров на два. В Константиновке поднялась стрельба. Мы подумали, что староста убежал туда. Мы были недалеко от леса и не боялись, что нас догонят. Прошли километров пять, и я почувствовал, что кукурузу не могу донести. Я стал говорить Исакову: Миша давай отсыпать кукурузу, я не донесу. Он мне говорит – неси сколько можешь.

Пришли в отряд, у нас стали просить кукурузы. Мы кое-кому давали. Потом нам сказали, что кукурузу всю надо ссыпать в одно и разделить. Я с этим не был согласен, потому что привели лошадь и корову. Мы знали, что отдадим это для всех, а кукуруза для нас. Я решил часть кукурузы спрятать и группе сказал – попрятать кукурузу. Я посоветовался с Кузнецовым, он не возражал. Мы оставили кукурузы у себя килограммов по три. Пришли в сектор (*штаб*) нас встретили, не дали даже зайти в землянку. Сказали из вещевых мешков все высыпать. Был приготовлен брезент. Я сказал – пожалуйста. Они видели, что у меня вещевой мешок полон. Я снимаю, вытаскиваю оттуда грязное белье, портянки, высыпаю кукурузу, и все ахнули. Как там говорили, был мешок полон, а в нем кукурузы мало» [5, с. 49-50].

Добывать продовольствие в горных и предгорных селах становилось все труднее. «Решили идти в степной Крым на продоперацию. Остановились в метрах пятсот от деревни. Выкопали себе окопчик. Я сказал: здесь нам, пожалуй, придется поплатиться жизнью. В этот день никто не спал, все волновались. По дороге проехал полицейский на велосипеде.

Вечером мы вышли к крайней хате. Там жил чабан. Он сказал, что староста уехал в деревню Бурнаш. Общинные лошади есть, но очень худые. Мы сказали, что идем в Джанкой на диверсию. Собралось много молодых девушек, ребят. Никто не верил, что мы партизаны. Я показал свой комсомольский билет, да и у каждого из нас на шапках были звездочки. Наконец, поверили. Я написал расписку, что «От имени Родины партизаны Крыма в лице командира группы Ваднева реквизируют пять лошадей у колхоза «Красный пахарь». Эту расписку я дал конюху. Он принес нам килограмма три табаку. Мы сели на лошадей и проехали в сторону Джанкоя, потом повернули и поехали на Зую. Рассвет нас застал под Мазанкой. Мы знали, что там большой гарнизон и все растерялись. Кто-то предложил бросить лошадей и пробираться самим. Я приказал вести лошадей пока нас не станут преследовать. Километров пять ехали в чистом поле, пока не достигли леса, а уж там вышли на лагерь.

Кузнецов, увидев меня, расцеловал, и сказал, что был уверен, что я погиб. Рассказал, что из моей группы, из тех, кто не пошел на продоперацию умерло от голода десять человек» [5, с. 55].

Пять бойцов Бахчисарайского отряда летом 1942 года пошли на продовольственную операцию в село Мазанка. Первый же контакт с местными жителями привел к тому, что их выдали. Полицейские из числа жителей села окружили сад, где скрывались партизаны. В ходе боя два партизаны были убиты, двое схвачены ранеными и только пятому удалось уйти, но уже на следующие сутки он тоже попал в плен. Примечательно, что все пятеро числились в отряде... дезертирами [7, с. 18]. Если бы группа Ваднева погибла, то их тоже сочли бы дезертирами.

Голод вносил кардинальные изменения в тактику партизан. Если раньше, встретив превосходящего в численности противника, партизан или даже группа партизан стремились оторваться, то с началом голода, когда истощение стало повальным, пришло понимание того, что сколько не пытайся уйти, противник все

равно догонит. Тогда появилась новая тактика: отходят до тех пор, пока не найдут удобную для обороны позицию, а уже там партизан бьется на смерть в прямом значении этого слова. Дальнейшие события, как правило, развивались по двум сценариям: партизан мог погибнуть, что, к сожалению, было не редкостью, но в соответствии с правилами оборонительного боя, каждый боец забирает с собой на тот свет минимум втрое больше противников. Второй вариант заключался в том, что, встретив такой отпор и осознав, что легкой добычи нет, а рисковать своей головой никто не хочет, враг уходил.

Из-за отсутствия продовольствия в отрядах поощрялось дезертирство, практически прекратился прием новых бойцов.

Командование фронтом, совершенно не понимало крымских реалий. «Трудно себе представить, что партизаны умирают с голоду в Крыму, где столько хлеба и мяса. Не время теперь надеяться на государственный паек. Все за счет противника и ничего от государства» [4, с. 93-98].

В начале 1944 года в преддверии скоро освобождения партизанское движение приняло массовый характер. Новые отряды формировались из жителей горных и пригородных сел. В этом плане примечательна перепалка, которая произошла между командиром группы Халиловым и комиссаром отряда Аметовым. Нури Халилов предлагает провести продовольственную операцию в селе Баксан, но Аметов – уроженец этого села категорически против: «Это моя деревня, отсюда ничего брать не дам», и приказывает идти на операцию в Тав-Даир – родное село Халилова [11, с. 18].

Выводы. Термин «продовольственная операция» характерен только для Крыма. Горько осознавать, что продовольственные операции – основной источник жизни партизан осуществлялись за счет населения Крыма, что во многом способствовало тому, что в 1941-1944 наряду с Отечественной проходила и гражданская война.

Источники и литература:

1. Генов И. Г. Дневник партизана / И. Г. Генов. – Симферополь : Крымиздат, 1983. – 279 с.
2. ГААРК. – Ф. 151. – Оп. 1. – Д. 10.
3. ГААРК. – Ф. 151. – Оп. 1. – Д. 21.
4. ГААРК. – Ф. 151. – Оп. 1. – Д. 23.
5. ГААРК. – Ф. 151. – Оп. 1. – Д. 47.
6. ГААРК. – Ф. 151. – Оп. 1. – Д. 443.
7. ГААРК. – Ф. 849. – Оп. 1. – Д. 266.
8. Македонский М. А. Пламя над Крымом / М. А. Македонский. – Симферополь : Крымиздат, 1969. – 253 с.
9. Партизанское движение в Крыму в период Великой отечественной войны : сборник документов и материалов : 1941-1942 / сост.: А. В. Мальгин, Л. П. Кравцова, Л. Л. Сергиенко. – Симферополь : Сонат, 2006. – С. 268.
10. Сермуль А. А. 900 дней в горах Крыма / А. А. Сермуль. – Симферополь : Сонат, 2004. – 98 с.
11. Халилов Нури. Воспоминания / Халилов Нури. – 120 с. – Личный архив В. Е. Полякова.